

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Причины религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ.

(Публичное чтеніе въ залѣ Астраханской А. Семинаріи въ пользу Попечительства о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи).

(Прод. См. № 19 А. Е. В).

Послѣ того, какъ мы признали, что въ усвоеніи человѣкомъ христіанскихъ истинъ первенствующее значеніе имѣеть сердце, мы принуждены также признать, что и для образованія въ человѣкѣ религіозной настроенности необходимо создать вокругъ себя условія, при которыхъ совершалось бы религіозное воспитаніе сердца. Если въ современномъ обществѣ мы замѣчаемъ индифферентное отношеніе къ христіанской религіи, то это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что въ жизни нашего общества не осуществляются эти условія. Какія же это условія, при которыхъ достигается религіозное воспитаніе нашего сердца и игнорированіе которыми приводитъ къ указаннымъ печальнымъ результатамъ. Самымъ первымъ и важнѣйшимъ изъ такихъ условій является вліяніе на христіанское настроеніе церковнаго богослуженія. Церковное богослуженіе есть величайшее созданіе знаменитѣйшихъ мужей христіанства. Взятое во всей своей широтѣ, оно наглядно представляетъ предъ нашимъ взоромъ, въ мѣру человѣческой возможности, все величіе и необъятную глубину содержанія христіанства. Насколько разнообразно содержаніе христіанства и различны его задачи, настолько разнообразны составныя части и задачи церковнаго богослуженія. Христіанство имѣеть своею главнѣйшею задачею на землѣ открыть людямъ, находящимся во тьмѣ язычества, истинныя знанія о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, о назначеніи человѣка, о посмертной его судьбѣ и др.; всѣ эти христіанскія знанія, заимствуемыя св. Церковію изъ св. Писанія и Апостольскаго преданія и заключенныя въ церковныя вѣроопредѣленія, составля-

ють, такъ называемые догматы, вѣрвать въ которыя необходимо каждому для полученія спасенія; среди догматовъ самый главный центральный въ христіанствѣ— догматъ о Лицѣ Господа нашего І. Христа, чрезъ Котораго мы получили наше спасеніе. Этой просвѣтительной задачѣ христіанства въ церковномъ богослуженіи въ совершенствѣ соотвѣтствуютъ многообразныя пѣснопѣнія и чтенія, которыя мы слышимъ за церковными службами. Въ канонахъ, въ стихирахъ, особенно въ догматикахъ— съ необыкновенною точностью и поэтической выразительностью излагаются святыми составителями ихъ всѣ величайшія истины нашей вѣры; присутствуя при богослуженіи напр. въ св. Пасху, или вообще въ воскресный день, мы услышимъ въ церкви обстоятельное раскрытіе догматическаго значенія факта воскресенія І. Христа, въ службахъ великаго поста— найдемъ всестороннее изображеніе истины нашего грѣхопаденія, узнаемъ всю глубину и гибельность грѣха, унаслѣдованнаго нами отъ нашихъ прародителей, — въ праздникъ Рождества Христова мы услышимъ изложеніе тайны воплощенія І. Христа для нашего спасенія, — службы среды и пятницы, а также страстной седмицы раскрываютъ предъ взоромъ христіанина тайну искупительныхъ страданій Богочеловѣка; однимъ словомъ, въ церковномъ богослуженіи, въ пѣснопѣніяхъ и чтеніяхъ, для ума христіанина предлагается необыкновенно обильная пища, раскрывается полная христіанская догматика, съ тѣмъ важнѣйшимъ преимуществомъ предъ книжною догматическою системою, что въ церковномъ богослуженіи христіанская догматика сообщается христіанину въ формѣ художественно поэтической, дѣйствующей прямо на сердце и потому оставляющей несравненно болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ книжное изученіе догматовъ христіанской вѣры; форма эта имѣетъ также то важнѣйшее преимущество, что она общедоступна и помогаетъ усвоенію догматовъ христіанскихъ не только людямъ развитымъ и образованнымъ, но и простымъ необразованнымъ; это послѣднее зависитъ отъ того въ особенности, что вся внѣшняя церковная обстановка — таинства, св. иконы, обряды— постоянно наглядно представляютъ взору вѣрующаго тѣ великія истины, которыя раскрываются въ церковныхъ пѣсно-

пѣніяхъ; такимъ образомъ здѣсь вполне достигается принципъ нагляднаго обученія, но безъ той доли искусственности, какая неизбежна при примѣненіи этого принципа при обученіи въ школахъ. Такимъ образомъ, богослуженіе прекрасно неподражаемо осуществляетъ эту первую важнѣйшую задачу христіанской религіи, переливая въ общество христіанъ тотъ свѣтъ разума, то новое ученіе, которое І. Христосъ принесъ на землю.

Другая важнѣйшая задача христіанства состоитъ въ томъ, чтобы не только въ мысли, но и въ настроеніи и въ жизни возвести послѣдователей своихъ къ высшему идеалу святости; въ Словѣ Божіемъ мы призываемся къ святости и совершенству по образцу самого Бога; тамъ намъ внушаются высочайшія заповѣди Закона Божія—любви, милосердія, смиренія и всѣ другія святые чувства и настроенія, которыми былъ преисполненъ нашъ первообразъ—Господь І. Христосъ; истинный христіанинъ долженъ перевоспитать себя, подавить и изгнать всѣ прежнія дурныя настроенія, сдѣлать свое сердце чистымъ, достойнымъ храмомъ святаго Духа. Церковное богослуженіе всѣмъ своимъ содержаніемъ, всею своею обстановкою создаетъ около христіанина такую нравственную атмосферу, въ которой присутствующій при богослуженіи всѣмъ своимъ настроеніемъ, всѣми помыслами переносится въ небесный міръ святости и правды, забываетъ свои земные интересы, нужды, отрѣшается отъ обычныхъ заботъ мірскихъ и, присутствуя въ храмѣ, думаетъ, что онъ находится на небѣ. Въ то время, какъ въ церковныхъ чтеніяхъ и молитвословіяхъ христіанинъ услышитъ высокіе евангельскіе уроки нравственной добродѣтельной жизни и постоянное прославленіе добродѣтелей Богоматери и святыхъ Угодниковъ,—благодаря святымъ иконамъ, изображающимъ эти величайшіе образцы христіанской добродѣтели и святости, христіанинъ чувственнымъ образомъ напечатлѣваетъ въ себѣ эти спасительные уроки и, подъ влияніемъ всего этого, постепенно, но надежнымъ путемъ, перерабатываетъ свое нравственное настроеніе; самый строй поведенія христіанина въ храмѣ Божіемъ такъ создается, что исключаетъ даже невинныя проявленія нашихъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу—разговоры, шутки

и тѣмъ воспитываетъ самыя важныя и спасительныя въ нравственной жизни христіанина чувства благоговѣнія и страха Божіи. Нравственное значеніе церковнаго богослуженія положительно необъятно; христіанинъ видитъ здѣсь одно только истинно хорошее и рѣшительно ничего дурнаго; здѣсь полнота всего необходимаго для христіанской жизни. Гдѣ христіанинъ, въ самомъ дѣлѣ, найдетъ такое полное глубокое утѣшеніе въ своихъ скорбяхъ жизненныхъ, какъ въ храмѣ Божіемъ, гдѣ вся обстановка, всѣ обряды, все богослуженіе возводятъ мысль къ высочайшему источнику утѣшенія—къ Богу? Гдѣ и какими иными способами можетъ питаться въ такой мѣрѣ христіанское чувство, какъ въ храмѣ Божіемъ, благодаря иконамъ, обрядамъ, таинствамъ, всей церковной обстановкѣ, пѣнію и др. средствамъ, дѣйствующимъ прежде всего на чувство человѣка, на его сердце? Гдѣ можетъ человѣкъ найти такой подъемъ энергіи, такое нравственное освѣженіе, какъ въ храмѣ Божіемъ, гдѣ въ душу вѣрующаго христіанина вливается всегда какал-то благодатная струя, дѣйствительно обновляющая человѣка, такъ-что послѣ церковной службы и работа . производится успѣшнѣе и трудъ, прежде казавшійся почти непосильнымъ, дѣлается легкимъ и приятнымъ; только въ храмѣ достигается каждымъ сознание истиннаго человѣческаго достоинства и сами собою рушатся всѣ непроходимыя въ обыкновенной жизни преграды, создаваемыя положеніемъ, образованіемъ, происхожденіемъ, богатствомъ и другими земными преимуществами; только единственно въ храмѣ Божіемъ мы наглядно убѣждаемся, что мы другъ другу братья, имѣемъ одинаковое достоинство, что всѣ мы дѣти Отца Небеснаго, всѣ искуплены пречистою Кровію нашего Спасителя; при церковномъ богослуженіи, гдѣ бѣдные и богатые, знатные и незнатные пользуются одинаковыми правами, причащаются Тѣла и Крови Христовыхъ изъ одной св. чаши, каждымъ глубоко сознается равенство людей предъ Лицомъ Божіимъ, и чрезъ это достигается самымъ осязательнымъ образомъ высочайшая цѣль христіанской религіи—единеніе всѣхъ людей между собой на началахъ взаимной любви. Но благотворное вліяніе церковнаго богослуженія не ограничивается только одною религіозною

стороною дѣла: оно не только религіозно просвѣщаетъ человѣка, научая его догматамъ, не только воспитываетъ въ немъ самыя высокія и святыя настроенія и дѣлаетъ его чрезъ то чище и нравственнѣе, — оно развиваетъ и питаетъ въ христіанскомъ духѣ и другія стороны и стремленія человѣческія, которыя мы не привыкли обычно относить къ религіозной жизни человѣка, но въ которыхъ привыкли усматривать однако благороднѣйшія стремленія человѣческой природы, свидѣтельствующія о высокомъ достоинствѣ человѣческой личности, о ея неизмѣримомъ превосходствѣ предъ міромъ животнымъ; сюда относятся созерцаніе красоты и стремленіе къ прекрасному во всѣхъ его видахъ, къ прекрасному, открывающемуся, напр. намъ въ произведеніяхъ человѣческаго слова, прекрасному въ дѣятельности человѣческой, — красотѣ, постигаемой нами путемъ зрѣнія въ различныхъ художественныхъ произведеніяхъ живописи, или воспринимаемой нами посредствомъ слуха въ разнообразныхъ музыкальныхъ твореніяхъ. Въ церковномъ богослуженіи удовлетворяется и эта потребность человѣческой природы, и христіанинъ, внимательно относящійся къ нему и воспринимающій его благія вліянія, постепенно развиваетъ въ себѣ воспріимчивость, вкусъ къ истинной красотѣ, а это облагораживаетъ человѣка. Ни одно человѣческое учрежденіе не способно въ такомъ совершенствѣ создать разнообразнѣйшія условія, возвышающія человѣка и развивающія въ немъ благороднѣйшія стремленія къ прекрасному. Здѣсь христіанину предлагаются глубоко художественныя и въ тоже время истинно прекрасныя произведенія слова, созданныя вдохновеніемъ великихъ творцевъ, вложившихъ въ эти произведенія все богатство своей души и силу своего вдохновенія. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Козьма Маюмскій, Θεодоръ Студитъ, Григорій Богословъ, Андрей Критскій были вдохновеннѣйшіе христіанскіе поэты, которые по силѣ слова и воображенія, могутъ вполне равняться съ нашими великими свѣтскими поэтами, а цѣнимъ ихъ мы мало потому, что цѣнить не можемъ; мы не знаемъ языка, на которомъ они писали свои дивныя творенія и не постигаемъ его красотъ, — славянскій переводъ только отдаленно даетъ намъ понятіе объ этихъ красотахъ. Но за то по

содержанію между тѣми и другими едвали можетъ быть сравненіе? О чемъ говорятъ въ своихъ произведеніяхъ свѣтскіе поэты? Они говорятъ большею частію о страстяхъ человѣческихъ, изображаютъ разнообразныя человѣческія отношенія, воспѣваютъ человѣческую любовь; идеалы ихъ, если только не заимствуются изъ религіи, а создаются самимъ человѣкомъ, весьма не высоки и могутъ иногда не возвышать человѣка, а низводить его съ прежняго высокаго настроенія. Сопоставьте, напримѣръ, нашего великаго русскаго поэта Пушкина съ какимъ угодно церковнымъ пѣнописцемъ; великъ нашъ поэтъ, неподражаема форма, въ которой онъ выражалъ свои произведенія, неисощимъ запасъ поэтическихъ образцовъ, въ которые онъ облекалъ свои мысли,—но многія-ли изъ его произведеній дѣйствительно возвышаютъ человѣка до постиженія истинно-прекраснаго, не затрогиваютъ-ли большинство изъ нихъ дурныя стороны человѣческой природы, не пробуждаютъ-ли страстей, которыя истинная поэзія должна была-бы всячески заглушать? Но вотъ предъ вами творенія св. Іоанна Дамаскина, его воскресныя службы октоиха, его знаменитый и уже безусловно неподражаемый пасхальный канонъ „Воскресенія день“, знаменитыя стихиры при отпѣваніи: Каѳа житейская сладость; какая здѣсь необъятная глубина мысли, богатство образовъ, единство чувства! Слушающій, напримѣръ, пасхальный канонъ весь проникается такимъ восторгомъ и радостію, такъ реально переживаетъ радость Христова воскресенія, что совершенно не чувствуетъ усталости и долго помнить восторги, пережитые въ святую ночь. Прослушайте внимательно дивный канонъ Андрея Критскаго на повечеріяхъ въ первую недѣлю великаго поста, вы найдете глубоко художественное выраженіе покаяннаго настроенія грѣшника; образы, заимствованныя церковнымъ поэтомъ большею частію изъ Библии и выраженные необыкновенно сильно, проникаютъ до глубины души, затрогиваютъ самыя интимныя стороны и то жгутъ сердце указаніемъ страшнаго суда Божія, то возбуждаютъ въ насъ крайнее отбращеніе ко грѣху, то окрыляютъ душу вѣрою въ нашего Спасителя и надеждою на покаяніе и отпущеніе грѣховъ; въ результатъ внимательнаго

прослушанія канона является святое и благодатное чувство примирения съ Богомъ, какъ основа исправленія жизни въ будущемъ. Картиность и выразительность церковныхъ пѣснопѣній каждый, кто хотя немного вникалъ и прислушивался къ нимъ, можетъ видѣть безъ всякаго труда. Священные поэты раскрываютъ самыя великолѣпныя картины, когда изображаютъ величіе Творца міра, придумываютъ неподражаемыя сравненія и аналогіи, чтобы объяснить различныя настроенія христіанина. Сколько прекрасныхъ цвѣтовъ истинной поэзіи разбросано творцами священныхъ пѣснопѣній въ хвалебныхъ канонахъ и стихирахъ во славу Богоматери, или въ акаѳистахъ, особенно въ акаѳистахъ Пресвятой Богородицы, канонъ Іисусу Сладчайшему и въ замѣчательномъ по богатству чувствъ канонъ „Плачь Богородицы“. Богатство формы въ данномъ случаѣ и неудивительно, потому что священные пѣснопѣвцы воодушевлялись въ своемъ творествѣ самыми возвышенными, прекраснѣйшими образами и большинство своихъ красотъ заимствовали изъ общепризнаннаго источника истинной поэзіи—св. Библии. Такимъ образомъ, внимательно слушающій церковныя пѣснопѣнія и молитвы имѣетъ возможность запечатлѣть въ себѣ высокія созданія истиннаго, святаго и поэтическаго творчества, пріобрѣтая себѣ все то, что даетъ человѣку поэзіи въ лучшемъ значеніи этого слова.

Кромѣ священной поэзіи церковное богослуженіе для гармоническаго развитія въ духѣ высокыхъ христіанскихъ началъ всѣхъ сторонъ человѣка пользуется еще пѣніемъ и живописью, которыя исполняютъ ту же основную важнѣйшую задачу Церкви—перенести богатство содержанія христіанской истины въ настроеніе христіанина, сдѣлать величайшіе христіанскіе догматы достояніемъ сердца. Мы знаемъ, до какого совершенства доведено въ церкви искусство пѣнія и какиѣ разнообразіемъ всевозможныхъ напѣвовъ обладаетъ наше церковное богослуженіе. Много положено труда великими музыкальными силами на созданіе различныхъ музыкальныхъ мотивовъ; но огромное большинство церковныхъ мотивовъ—это созданіе самой церкви, общества христіанъ известной церкви, созданіе, начало котораго часто затеривается въ глубинѣ вѣковъ и которое ревностно

охраняется, какъ величайшая святыня, наслѣдіе незапамятной древности. Извѣстные намъ и употребляющіеся въ нашей церкви напѣвы — кіевскій, греческій, знаменный, болгарскій — это священные отголоски часто глубочайшихъ временъ, вылившіеся изъ глубины души христіанъ древнѣйшихъ, когда и вѣра у людей была сильнѣе и сами люди были гораздо лучше и нравственнѣе и духъ ревности христіанъ горѣлъ яркимъ пламенемъ. Напѣвы церковные медленно создавались, безчисленно много разъ исправлялись и наконецъ приняли ту форму, въ которой мы теперь слышимъ ихъ въ церкви. Напѣвы эти по истинѣ великое сокровище, которымъ мы владѣемъ; различныя высокія настроенія, какія намъ внушаетъ церковь въ своемъ богослуженіи, передаются ими неподражаемо; возьмемъ для примѣра хотя пѣснопѣнія болгарскаго распѣва — „Благообразный Іосифъ“ и „Тебе одѣющагося“; какъ прекрасно создаютъ они въ насъ грусть, но грусть священную, совершенно чуждую отчаянія. Или, — напр. греческій распѣвъ пасхальныхъ пѣснопѣній въ какомъ совершенствѣ передаетъ намъ радость Воскресенія Христова! Или еще примѣръ: какъ неподражаемо передается величественная картина мірозданія, начертанная Псалмопѣвцемъ въ 103 псалмѣ, въ кіевскомъ напѣвѣ этого псалма. Высокія настроенія, какія мы переживаемъ, когда напр. слышимъ пѣнія осмогласника или догматика знаменнаго распѣва, каждому изъ насъ хорошо извѣстны и понятны, если только намъ удавалось хотя одинъ разъ слушать настоящее церковное пѣніе; — если же кому Богъ не привелъ слушать этого пѣнія, то никакимъ описаніемъ невозможно выразить всѣ его красоты, — онѣ чувствуются, это до нѣкоторой степени предначатіе тѣхъ блаженствъ, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало. Всѣ эти разнообразныя напѣвы такъ совершенны, такъ прекрасно выражаютъ духъ и характеръ церковнаго богослуженія, что они приобрѣли себѣ заслуженное право являться единственнымъ выраженіемъ истиннаго церковнаго пѣнія, — и духовные композиторы, обогатившіе насъ своими произведеніями въ области церковнаго пѣнія, дѣнятся постольку, поскольку они по духу своему приближаются къ этому древнему церковному пѣнію. Задача позднѣйшихъ ду-

ховныхъ композиторовъ улучшить только форму и по возможности точно въ различныхъ музыкальныхъ сочетаніяхъ воспроизводить эти напѣвы; музыка Турчанинова, Львовскаго, Архангельскаго, нѣкоторыя пѣснопѣнія Вортнянскаго, Львова потому такъ цѣнны, что они или передаютъ намъ эти напѣвы въ художественно-музыкальной формѣ, или создаютъ новыя, строго слѣдуя духу древняго церковнаго пѣнія. Въ настоящее время церковь обогатилась весьма многими музыкальными произведеніями, созданными въ духѣ истинно церковномъ и въ то же время имѣющими совершеннѣйшую художественную отдѣлку, — церковная власть разрѣшаетъ ихъ употребленіе въ церкви. Благодаря всему этому, вѣрующій христіанинъ, присутствующій при богослуженіи, находится подъ благотворнымъ вліяніемъ церковнаго пѣнія, которое, воспитывая въ человѣкѣ христіанское настроеніе, въ то же время приноситъ ему всѣ лучшіе плоды, какіе можетъ дать пѣніе или музыка.

Въ виду такой важности церковнаго богослуженія мы самымъ первымъ и важнѣйшимъ условіемъ, отъ котораго зависитъ холодность и равнодушное отношеніе къ христіанству, считаемъ удаленіе нашего общества отъ воздѣйствія церковнаго богослуженія; многіе совершенно удалились отъ этого воздѣйствія церкви, другіе такъ рѣдко пользуются ея благотѣльными вліяніями, что впечатлѣнія церковной службы, рѣдко повторяющіяся, ступениваются въ массѣ другихъ мірекихъ впечатлѣній. Холодность къ церковнымъ службамъ у многихъ сдѣлалась зауряднымъ явленіемъ; нѣкоторые посѣщаютъ храмъ Божій развѣ пять — шесть разъ въ годъ и это явленіе, какъ показываетъ наблюденіе, не единичное: только въ величайшіе годовые праздники храмъ бываетъ полонъ молящимися; но на богослуженіи въ дни воскресные въ храмахъ, насчитывающихъ нѣсколько тысячъ прихожанъ, можно найти много пустаго мѣста; но попробуйте заглянуть вы къ литургіи или къ вечернѣ въ будничныи день, вамъ обычно придется встрѣтить почти совершенную пустоту. Христіанское убѣжденіе, что канунъ и утро праздничнаго дня необходимо посвящать Богу и проводить его въ храмѣ за службой, съ материнскимъ молокомъ прививаю-

щеяса питомцамъ въ добрыхъ христіанскихъ семействахъ, часто не находятъ себѣ мѣста въ свѣтскомъ обществѣ; какъ будто бы наперекоръ требованію церкви, кануны праздничныхъ дней проводятся въ развлеченіяхъ, карточной игрѣ, а утренній крѣпкій сонъ послѣ бессонной ночи естественно прекращается только тогда, когда литургія уже закончилась и двери храма уже заперты. Такіе люди, естественно, лишаютъ себя благотѣльнаго вліянія церковныхъ службъ; сердце ихъ, не согрѣваемое ихъ теплою, постепенно утрачиваетъ въ себѣ живую связь со Христомъ и теряетъ живую спасающую вѣру, такъ необходимую для спасенія. По словамъ Высокопреосвящ. Амвросія, „уклоняющіеся отъ церковныхъ богослуженій теряютъ прямой путь живой и спасающей вѣры, которая состоитъ въ общеніи со Христомъ. Вѣра и убѣжденіе ума, даже при надлежащей полнотѣ и основательности, получаютъ силу только отъ сердца, а сердце становится ключемъ духовной жизни только тогда, когда Христосъ „вѣрою вселяется въ сердца наши“ (Еф. III. 17). Къ нему-то, нашему Искупителю, Церковь, какъ мать дитя, ведетъ насъ за руку въ своихъ богослуженіяхъ, о Немъ она намъ рассказываетъ, о Немъ поетъ, Его любовь и красоту намъ изображаетъ, Его благодѣяніями учитъ утѣшаться, Его чистотою и свѣтомъ проникаться и чрезъ погруженіе въ таинства въ Его божественную жизнь выносить изъ этой священной глубины живое чувство и сознаніе нашего истиннаго призванія и желаемаго для насъ Христомъ истиннаго совершенствованія и блаженства. Это на языкѣ Слова Божія называется опытнымъ познаніемъ или вкушеніемъ духовной жизни“ (Проп. 1895 г. 240—241 стр.). Преосвященный Теофанъ называетъ церковь „Божественнымъ воспитательнымъ домомъ“ (Начертаніе... 406 стр.). Этого то духовнаго опыта, достигаемаго воспитательнымъ вліаніемъ въ Божественномъ домѣ, не имѣетъ современный человѣкъ, уклоняющійся отъ храма Божія. Гдѣ же онъ пріобрѣтетъ религіозное настроеніе, когда самыя лучшія условія для его развитія, открывающіяся въ церковныхъ службахъ, отвергаются имъ, — міръ не защититъ человѣка отъ грѣха и храмъ Божій, сосредоточивая въ себѣ все святое и божественное, является луч-

шимъ противодѣйствіемъ вліянію міра и самую лучшею школою для христіанскаго развитія сердца.

(Окончаніе будетъ).

Препод. Сем. Свящ. *Ник. Лютмицкій.*

Армяне въ Астраханской епархіи, и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ Архипастырей въ 18-мъ вѣкѣ.

(Продолженіе См. № 19 «А. Е. В.» 1900 г.).

Пріѣздъ въ Астрахань архіепис. Іосифа и вліяніе его на армянъ. Присоединеніе къ православію армян. священниковъ Мальхасова и Иванова. Учрежденіе въ Астрахани армян. консисторіи, а въ Моздокѣ духовнаго правленія и преслѣдованіе ими свщ. Иванова. Другіе случаи присоединенія армянъ къ православію. Пропаганда армянскаго ученія и жалобы на обиды отъ армянъ. Смѣшанные браки. Колонизаторская дѣятельность архіепис. Іосифа; размолвка его съ астрахан. преосвященнымъ Платономъ. Услуги Іосифа русскому правительству и милостивыя грамоты армянскому народу. Утвержденіе Іосифа въ патріаршемъ званіи; чествованіе его армянами въ Астрахани и проводы его. — Краткія свѣдѣнія объ армянскихъ дѣлахъ послѣ архіепис. Іосифа.

Въ послѣднюю четверть 18-го столѣтія ревностнымъ строителемъ армянъ въ Россіи и защитникомъ ихъ интересовъ является Іосифъ, князь Аргутинскій-Долгорукій. Онъ прибылъ въ Астрахань 4 іюня 1774 года въ санѣ архіепископа, на мѣсто бывшаго тогда здѣсь архіепис. Минаса. Конечно армянскій судъ не замедлилъ сообщить ему о печальныхъ случаяхъ перехода армянъ въ православіе, а Іосифъ, какъ верховный пастырь, никакъ не могъ мириться съ отступничествомъ своихъ пасомыхъ тѣмъ болѣе, что по своему положенію и личнымъ качествамъ онъ для борьбы съ этимъ зломъ располагалъ сильными нравственными средствами, чего не было у армянскаго суда. Должно замѣтить, что въ первые четыре года пребыванія Іосифа въ Астрахани не возникало ни одного столкновенія изъ-за присоединенія армянъ, да и число присоединенныхъ было ничтожно *). Впрочемъ, это было лишь временнымъ затишьемъ, послѣ чего все пошло по прежнему; измѣнились только способы борьбы съ этимъ отступничествомъ, которые стали болѣе рѣшительными и смѣлыми. Въ первый разъ за время управленія архіепископа Іосифа возникла и разгорѣлась эта борьба по поводу отступничества двухъ армянскихъ священниковъ.

*) За всѣ четыре года присоединено было 7 армян. муж. и 1 жен. пола (см. Астр. Епар. Вѣд. 1895 г. № 11).